

Русский пространственный дейксис в сопоставительном аспекте

Russian Spatial Deixis from a Comparative Perspective

Мария Л. Гордиевская

Аннотация:

Данная статья посвящена изучению настраиваемых координат русского пространственного дейксиса. В статье на материале русского языка в сопоставлении с рядом других языков показано, как бинарная дейктическая система может быть уточнена и детализирована при помощи сочетания демонстративов ближнего и дальнего дейксиса. Выявлены семь основных схем сочетания демонстративов ближнего и дальнего дейксиса и восемь новых дейктических значений, которые возникают благодаря таким сочетаниям.

Abstract:

The paper deals with the configurable coordinates of the Russian spatial deixis. Basing on the Russian language examined in comparison with some other languages, the author demonstrates how the binary deictic system can be refined and specified through the combination of the demonstratives related to proximal and distal deixis. Seven basic schemes of the combination of the demonstratives concerned have been revealed. In addition to this, eight new deictic meanings originating due to such combinations have been identified.

Ключевые слова:

русский язык, сопоставительное изучение языков, пространственная категория, пространственный дейксис, демонстративы

Key Words:

the Russian language, comparative analysis of languages, spatial category, spatial deixis, demonstratives

Постановка проблемы

Пространственный дейксис – это шифтерная универсальная категория, которая задает пространственные координаты, характеризующие положение наблюдаемого объекта (а также факта/события) по отношению к говорящему/наблюдателю. Линейность пространственного дейксиса выражается в том, что расстояние от говорящего/наблюдателя до объекта лишено трехмерной геометрической конфигурации. Иначе говоря, дейксис не показывает трехмерные параметры: выше/ниже, спереди/сзади, слева/справа, внутри/снаружи. С локализацией наблюдаемого объекта, как правило, справляются предлоги, послелогои, падежные формы. Функция пространственного дейксиса – это отражение оппозиции ‘близко’/‘далеко’. Соответственно, выделяют ближний и дальний дейксис.

Говоря о выражении дистанции в терминах *близко/далеко* от дейктического центра, мы допускаем некоторую вольность. Дело в том, что «дальний дейксис», как будет показано на материале русского языка, не всегда находится именно *далеко* от наблюдателя, поэтому, строго говоря, следовало бы различать координаты ‘близко’/‘не близко’ от говорящего/наблюдателя.

Отнесение пространственного дейксиса к грамматическим или семантическим категориям само по себе представляет нерешенную теоретическую проблему для лингвистики. Дело в том, что для грамматической категории наиболее типичным способом манифестации грамматического значения является противопоставление аффиксов. Пространственный дейксис выражает значения ‘близко’/‘далеко’ автономными лексемами – демонстративами, круг которых ограничен специализированными частицами, указательными местоимениями

и наречиями. Следует отметить, что такой же тактики придерживается грамматическая категория определенности/неопределенности, выражаемая артиклями, и это не случайно. Как известно, многие артикли по своему происхождению являются демонстративами: ср. арабский артикль *al*, который первоначально имел значение хронотопического дейксиса 'здесь, теперь', англ. *the* > *that* > *ɹæt* (др.-англ.), франц. *Le* > *ille* (лат.), венг. *az* > *az* (указ. мест.) и т. п. В отличие от артиклей пространственные демонстративы, во-первых, не образуют бинарную оппозицию (противоположные демонстративы могут сочетаться: *Вот тот дом, о котором я говорил / Вон этот дом, о котором я говорил*, где *вот/этот* 'близко' vs. *вон/тот* 'далеко'), во-вторых, являются нерегулярными (для того, чтобы показать близкий/отдаленный от нас предмет, мы не всегда прибегаем к демонстративам: *За холмом виден лес* vs. *За этим/тем холмом виден лес*). По сути, дейксис в известных нам языках ведет себя, скорее, как скрытая, нежели открытая грамматическая категория¹: он нерегулярен, выражается не аффиксами, а отдельными лексемами. Все это делает статус дейксиса как категории неоднозначным и спорным. Так, И. А. Мельчук квалифицирует пространственный дейксис как семантическую словоизменительную категорию, выражающую пространственные координаты (Mel'čuk 1998, 48–52). В то же время есть основания считать пространственный дейксис грамматической категорией, т. к. мы имеем четко выраженные граммемы 'близко'/'далеко' и набор средств их выражения – демонстративы. Это позволяет шире взглянуть на само понятие грамматической категории, что избавляет нас от гипноза флективных языков, где граммама в основном представлена аффиксом.

Добавим, что пространственный дейксис мы будем отличать от анафоры: *Это новый корпус МГУ. Здесь располагается юридический*

¹ По Б. Л. Уорфу, скрытая категория может выражаться «специальной морфемой или особой моделью предложения только в некоторых случаях и отнюдь не во всех предложениях, в которых представлен член этой категории», в отличие от открытой, «которая находит формальное выражение в каждом предложении, содержащем член этой категории» (Uorf 1972, 44–6).

факультет. По сути, анафорический элемент (*здесь*) легко заменяется на относительное местоимение: *Это новый корпус МГУ, в котором располагается юридический факультет*. Кроме того, собственно пространственный дейксис может быть обнаружен в предложениях с предикатами местоположения, перемещения, зрительного восприятия объекта/точки на линии взгляда (подробнее о различии дейксиса и анафоры см. Arutjunova 1985, 18; Kibrik 1983, 215).

Дейксис как универсальная категория оказался в центре внимания многих исследований, посвященных различным аспектам «указательного поля языка». Сам термин «указательное поле» введен К. Бюлером, хотя эксплицитно присутствовал уже в работах К. Бругманна (Brugmann 1904, 1933, Bjuler 1934, 1993). В дальнейшем дейксис привлек внимание исследователей в связи с общими вопросами указательности и референции в языках мира (Ю. Д. Апресян 1986, Н. Д. Арутюнова 1982, 1985, А. В. Бондарко 2005, К. Бюлер 1934, 1993, Л. Гренобль 1998, А. В. Исаченко 1965, О. Б. Йокояма 2005, В. Б. Касевич 1998, А. А. Кибрик 1983, 1992, С. А. Крылов 1984, И. М. Кобозева 2000, Дж. Лайонз 1978, И. А. Мельчук 1998, Е. В. Падучева 1985, В. А. Плунгян 2000, Е. В. Рахилина 2000, Ч. Филлмор 1966, 1997, А. Д. Шмелев 2002, Р. Якобсон 1975 и др.).

В настоящей статье русский дейксис является отправной точкой сопоставительного исследования настраиваемых пространственных координат. Мы постараемся показать, что традиционная двучленная дейктическая система русского языка способна произвести большее количество координат на отрезке от говорящего до наблюдаемого объекта. Для анализа значений пространственных координат делалась выборка из Национального корпуса русского языка, привлекался языковой материал, который позволял провести сопоставление в сфере разноуровневых дейктических систем в языках мира.

Наряду с пространственным дейксисом выделяют персональный (ролевой) и темпоральный дейксис (Fillmore 1966). В целом персональный и темпоральный дейксисы суть проекции пространственного дейксиса.

Пространственный и персональный (ролевой) дейксис

Изучение персонального дейксиса имеет давнюю историю. Местоимения были отнесены к дейксисам еще древнегреческими грамматистами – Хрисиппом, Аристотелем, Аполлоном Дисколом, Дионисием Фракийским и др. Дейксис воспринимался как элемент, устанавливающий непосредственную связь между языковым выражением и внеязыковым объектом. Лингвистические основы изучения дейксиса были заложены К. Бругманном, который выделяет четыре типа указателей: 1) *Dér-Deixis* – «тот самый, поименованный»; 2) *Ich-Deixis* – «указатель на сферу говорящего»; 3) *Du-Deixis* – «указатель на сферу собеседника»; 4) *Jener-Deixis* – «указатель на удаленность от говорящего» (Brugmann 1904, 67). В дальнейшем К. Бюлер уточняет, что *Ich-Deixis* и *Du-Deixis* указывают именно на местоположение «я» и «ты», не являясь в собственном смысле только личными дейксисами (Bjuler 1993, 78).

Указание на какое-либо лицо (*не-я*) при помощи местоимения – это уже выход за пределы личного пространства говорящего. «Личное пространство» (*personal space*) вошло в плоть и кровь естественного языка задолго до того, как стало термином в психологии и социологии. По сути, человек всегда оценивал пространственные координаты, отталкиваясь, прежде всего, от себя как дейктического центра. Именно поэтому дейксис невозможен вне акта речи и в связи с этим считается шифтерной категорией (Jakobson 1975, 95–113).

Языки мира очень убедительно показывают, что тот объект, который, исчезает из личного пространства, из поля зрения или вовсе никогда не заходил на орбиту «наблюдателя», воспринимается как максимально отдаленный – «чужой» (чуждый). Отношения ‘свой’ / ‘чужой’ не что иное, как проявление категории посессивности. Разные языки последовательно придерживаются семантического правила: *далекий* значит ‘чужой’, *чужой* значит ‘далекий’, что иногда воплощается в лексическом значении слов *далекий/далеко* (ср. употребление

казахского слова *алыс* – ‘далекий’ / ‘далеко’: *Бұл алыс қой* – *Это чужая овца*, досл. *далекая овца*).

Поскольку семантика лица «представляет собой полевую структуру, в которой выделяются центр и периферия» (Bondarko 2005, 545), средства пространственного дейксиса могут служить для разграничения сферы ‘свой’ / ‘чужой’. Так, дальний дейксис (преимущественно указательные местоимения) часто используется для обозначения социально не близкого, эмоционально чуждого человека или того, с кем произошел разрыв в отношениях. Этот прием нередко применяется в эмфатической речи и в художественной литературе. *I will not write to that person; The name of those Sedleys never be mentioned here*, W. M. Thackeray, “Vanity Fair” (Matvejeva 2007, 50); *Со мною вот что происходит: // ко мне мой старый друг не ходит, // а ходят в мелкой суете // разнообразные не те... Со мною вот что происходит: // совсем не та ко мне приходит, // мне руки на плечи кладет // и у другой меня крадет...* (Е. Евтушенко).

Тактика изображения отношений ‘свой’ / ‘чужой’ нередко является узуальной. Например, речевой этикет английского телефонного разговора как раз предполагает разделение участников на условные *this* (я) и *that* (не-я). Пространство отправителя сообщения обозначается местоимением *this*, пространство собеседника – *that*: *Hello, this is Clair. Who is that speaking? Is that Mike?* (Lyons 1995, 275, Artemova 2019, 53). Напротив, русский речевой этикет объединяет участников диалога, возможно, на основе единой темпоральной локации: *Добрый день, это Миша. Позовите, пожалуйста, Наташу. Это Наташа?*

Поскольку личные местоимения – непосредственные участники речевого акта, то позиция «наблюдателя» теоретически может переходить от местоимения 1-ого лица к местоимению 2-ого лица, при этом действительный центр смещается. За точку отсчета может быть принята также не участвующая в диалоге персона (местоимение 3-его лица). Наконец, система бывает усложнена наличием инклюзивных и эксклюзивных местоимений. Комбинации вариантов дают в языках мира разноуровневые действительные системы: двучленные,

трехчленные и многочленные, которые, соответственно, обозначают (1) оппозицию значений 'близко от меня' vs. 'далеко от меня', (2) триаду 'близко от меня' vs. 'удалено от тебя' vs. 'далеко от нас', (3) цепочку детальных значений близости и дальности по отношению к говорящему, собеседнику или 3-ему лицу. В большинстве современных языков представлены двучленные дейктические системы, трехчленные же системы, скорее, являются реликтом, однако в малых языковых коллективах встречается сложная многочленная дейктическая система, соотносимая с инклюзивными и эксклюзивными формами местоимений. Рассмотрим примеры различных систем:

Двучленная: 'близко' vs. 'далеко'

этот vs. тот (рус.)

this vs. that (англ.)

celui-ci vs. celui-là (франц.)

здесь vs. там (рус.)

Hier vs. Dort (нем.)

Трехчленная: 'близко' vs. 'удалено' vs. 'далеко'

este – ese – aquel (исп.)

Многочленная: 'близко (около меня)' vs. 'около тебя' vs. 'около него'
vs. 'тот – далеко' vs. 'тот – очень далеко'

ho(no)w – he(ne)w – hi(ni)diw – hedew – hunidow – андийский язык Дагестана, по материалам В. В. Плунгяна, собранным в ходе экспедиции 1981 г. (Plungjan 2000, 263).

Дейктическая система исторически подвергается трансформации. Следует полагать, что многочленные системы шли по пути сокращения. Так, в восточнославянских языках и их диалектах прослеживаются три степени удаленности (Borkovskij, Kuznecov 2004, 221–3). До определенного момента не было специализированного слова, которое бы было универсальным для обобщенного обозначения любого 3-го лица. Для обозначения 3-го лица использовались различные указательные местоимения, что в сумме составляло систему

трехчленного дейксиса. Для указания на близкое говорящему лицо употреблялось местоимение *сь* (*сего – сему* и др.); для указания на лицо, близкое собеседнику, – местоимением *ть* (*того – тому* и др.); в остальных случаях в качестве обобщенного обозначения 3-го лица использовались указательные местоимения *онь* (*оного – оному*). Используемые в современных восточнославянских языках указательные частицы (рус. *вот/вон > ть/онь*, ср. также белорус. *вунь/унь – во – вось/вот, от, ось –эта*) по происхождению являются дейксисами 2-ой и 3-ей ступени удаленности (Borkovskij, Kuznecov 2004, 221). Первоначальное значение 2-ой ступени ‘близость к собеседнику’ смещается в сторону иного значения ‘близость к говорящему’, ‘близость как таковая’. Прологом для сближения местоимений трехчленной системы удаленности становится местоимение *и* (*его – ему*), которое еще в дописьменную эпоху ведет себя нейтрально по отношению к степеням удаленности, а с течением времени консолидируется в одном склонении с местоимением *онь* (см. подробнее Borkovskij, Kuznecov 2004, 222–3).

Темпоральный дейксис как проекция пространственного

Время и пространство тесно связаны в сознании человека. Обращение практически к любому языку покажет нам, что пространство и его преодоление являются концептуальной метафорой времени (*на жизненном пути; на протяжении последних лет; годы идут; life's journey; life moves pretty fast*; кунлар узаяпти (узб.) – *тянутся дни; жақында қар жаауды* (казах.) – досл. *близко (= скоро) пойдет снег* и т. д.). Верно и обратное: ощутить расстояние помогает время: *здесь недалеко, идти пять минут; до дачи два часа* (этим мы выражаем не столько потраченное время, сколько прикидываем дальность расположения интересующего нас объекта); *kozy көш жер* (казах.) – досл. *день пути, чтобы перегнать овец* = ‘близкое расстояние’; *қырық күншілік жер*

(казах.) – место, до которого можно добраться за сорок дней = ‘максимально далекое расстояние’ и т. д.).²

Эта же логика распространяется и на дейксис. Демонстративы, участвующие в обозначении пространственных координат, проецируются на невидимую нить времени, которая тянется от мысленного взора говорящего/наблюдателя и указывает на момент в прошлом или будущем или момент, совпадающий с настоящим (ср. *В том году лето было жаркое, а в этом году будет холодное. Вот сейчас холодно; Вот-вот дождь пойдет*). Помимо координат абсолютного времени, темпоральный дейксис может показывать временную координату, соотносимую с другим действием. Например, в английском различается отсылка к предшествующему и последующему высказыванию: *That is what happened* = ‘Я только что рассказал о том, что случилось’ vs. *This is what happened* = ‘Я сейчас расскажу о том, что случилось’ (Gurevič 2003, 144). Поскольку категория времени многопланова, многопланов и темпоральный дейксис. Дейксис показывает абсолютное время в различных нюансах, относительное время, временную дистанцию. При этом используется весь арсенал пространственных демонстративов.

Координаты пространственного дейксиса и поле зрения наблюдателя

Описывая нахождение наблюдаемого объекта в пространстве, говорящий в большинстве языков мира включает в поле зрения то, что находится непосредственно перед его взором³. Пространственные

² Автор благодарит студентов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова, выступивших в качестве информантов и предоставивших широкий и разнообразный материал из родных языков. Здесь и далее языковой материал из армянского, казахского, узбекского, китайского и др. языков взят из собрания примеров автора.

³ Иное – темпоральный дейксис, который описывает события настоящего, прошлого и будущего, причем прошлое и будущее могут находиться как «перед глазами», так за «спиной» говорящего: *В том году был плохой урожай*.

координаты располагаются как бы перед лицом говорящего/наблюдателя, в направлении его движения/взгляда. Это доказывается наличием ряда универсальных моделей фразеологизмов со значением 'близко'/'далеко', существующих в различных языках мира. Ср.: 'близко' – *под носом* (рус.), *debajo de la nariz* (исп.); *C'est au bout de ton nez* (франц.), *vor seiner Nase* (нем.), *right under your nose* (англ.), *Բթի տակ* (арм.), 鼻子底下 (кит.); 'близко' – *перед глазами* (рус.), *within of one's sight* (англ.), *Այրի դիմ* (арм.); 'близко' – *в двух шагах* (рус.), *a few steps from* (англ.), *à deux pas* (франц.), *Երկու քայլ այն կողմ* (арм.); 三脚两步 (кит. букв. 'три ступни, два шага'), 'далеко' – *einen langen Weg vor sich haben* (нем. букв. 'впереди долгий путь'); 'максимально далеко' = 'то, что скрыто от взгляда, то, чего непросто достичь' – *у черта на куличках, за тридцать земель* (рус.); *par-delà les mers* (франц. букв. *за морями*) и др.

Будем различать статический и динамический дейксис. Статический дейксис отмечает точку расположения неподвижного объекта, а динамический указывает на направление предполагаемого перемещения в пространстве.

1. Статический дальний дейксис выражает значение: 'наблюдаемый объект находится на большом расстоянии от наблюдателя/говорящего, принимаемого за точку отсчета' (*вон тот дом*).
2. Статический ближний дейксис выражает значение: 'наблюдаемый объект находится на близком расстоянии от наблюдателя/говорящего, принимаемого за точку отсчета' (*вот этот дом*). Расстояние между объектом и наблюдателем может быть ничтожно малым, тогда используется хронотопический дейксис – *здесь и сейчас* (*Я уже на кафедре. Жду тебя здесь*). Однако, как отмечает К. Бюлер, *здесь* «не следует понимать как не имеющую протяжение математическую точку» (Bjuler 1993, 120). Наречия *здесь* так же, как и наречия *тут*, могут указывать на достаточно обширный сектор, открывающийся взору наблюдателя (*Здесь очень красиво*).
3. Динамический дальний дейксис указывает на центрбежное перемещение или направление взгляда от наблюдателя к видимой точке (*иди туда, смотри вон туда*).

4. Динамический ближний дейксис указывает на центростремительное перемещение к дейктическому центру – позиции наблюдателя (*иди сюда, смотри сюда*).

По К. Бюлеру, следует различать видимый дейксис и дейксис представления. Первый может находиться в поле зрения говорящего, т. е. является точкой или зоной, к которой устремлен взгляд, второй – указывает на то, что не находится в поле зрения, но известно обоим собеседникам из ситуации общения (Bjuler 1993, 75, 121–7).

Демонстративы и их функции

Категория пространственного дейксиса обслуживается особым устойчивым классом слов, называемых демонстративами. По сути, эти элементы языка занимают промежуточное положение между лексикой и грамматикой (Næss, Margetts, Treis 2020, 2–5). С одной стороны, эти слова отражены в словарях, с другой – их функция максимально напоминает роль аффиксов, специализирующихся на выражении грамматического значения (в нашем случае указания на ‘близость’/‘дальность’). В большинстве языков мира демонстративы представляют собой небольшую лексическую подсистему специализированных слов: местоимений, частиц, прилагательных, наречий. В русском языке это идентифицирующие частицы *вот* и *вон*, указательные местоимения *этот* и *тот*, наречия *тут*, *здесь*, *там*, *отсюда*, *туда* и др. Поскольку демонстративы регулируют ‘близость’/‘дальность’ расположения говорящего от наблюдаемого объекта, то важно отметить, что они неоднородны с точки зрения указательной функции. Так, частицы *вот* и *вон* специализируются на уточнении положения наблюдаемого объекта, а, например, наречия *тут* и *там* ответственны в большей степени за указание на местоположение говорящего: *тут/здесь* (территория говорящего) vs. *там* (территория за пределами личного пространства говорящего). Ср.: *Тут жарко* (где я нахожусь) vs. *Там прохладно* (где меня нет).

В целом система русских демонстративов невелика и может быть представлена соотносительными парами (см. Таблицу 1).

Ближний дейксис	Дальний дейксис
вот	вон
этот	тот
здесь	там
тут	там
сюда	туда
отсюда	оттуда

Настраиваемые координаты пространственного дейксиса в русском языке

Несмотря на то, что в одних языках расстояние от дейктического центра до наблюдаемого объекта может быть детализировано, а в других нет, это не означает, что языки с двучленным дейксисом, как, например, русский, «не умеют» регулировать степень близости и дальности расстояния. В действительности у говорящих есть возможность показать довольно значительную палитру переходных вариантов, отражающих степень ‘близости’/‘дальности’ наблюдаемого объекта. Рассмотрим возможности ближнего и дальнего дейксиса в русском языке.

В общих случаях русский пространственный дейксис имеет достаточно простые и ясно выраженные правила продукции. В сфере ‘близко’/‘далеко’ русский язык, как было показано выше, оперирует незначительным арсеналом демонстративов. Демонстративы *вот* и *вон* выполняют особую функцию: они актуализируют указание на объект, при этом могут выступать изолированно (*Вот дорога, езжайте по ней*) или дублировать другой демонстратив (*Вот эта дорога, езжайте по ней*). Одним из способов преодоления бинарной оппозиции граммем ближнего и дальнего дейксиса в русском языке является «дейктический оксюморон», когда вместо «согласования» дейксисов

‘близко’ + ‘близко’ / ‘далеко’ + ‘далеко’ (*вот этот дом / вон тот дом, он живет вот тут / он живет вон там*) используется стратегия сочетания несочетаемого: ‘далеко’ + ‘близко’ / ‘близко’ + ‘далеко’ (*вон тут, вон здесь, вот там, и др.*). Нарушение согласования по ‘близости’ / ‘дальности’ создает дополнительные координаты между точками ‘близко’ и ‘далеко’, что позволяет увеличить дробление наблюдаемой пространственной перспективы.

Сравним следующие примеры с дейктическим согласованием обычной двучленной системы:

‘близко’ = ‘наблюдаемый объект находится рядом с говорящим / наблюдателем, в зоне непосредственной досягаемости’

– А вот тут серьга, – сказала Клара, открывая спичечную коробку (Ю. О. Домбровский); Где больная? – Вот сюда, пожалуйста (И. С. Тургенев); И вот эти грецкие орехи да еще развалины каких-то крепостных стен... – все, что осталось от племени великанов (Ф. Искандер); Вот здесь, на втором этаже дебаркадера, располагалась забегаловка... (В. П. Астафьев).

‘далеко’ = ‘наблюдаемый объект находится на значительном расстоянии от говорящего / наблюдателя’

Еще метров двести... Вон тот дом, с зелеными балконами (А. Маринина); – Я, сударь, садовник! Вон оттуда... Он показал на сад вдали (И. А. Гончаров); Ты видишь свой детский рисунок? Вон там, на подоконнике... (Ю. Трифонов); Вон туда иди... Видишь забор зеленый (М. Трауб).⁴

«Дейктический оксюморон» имеет большее поле для маневра при выражении ‘близости’ / ‘дальности’ расстояния от наблюдаемого объекта. Для иллюстрации обратимся к примерам и рассмотрим эффект от различных вариантов сочетания демонстративов ближнего

⁴ Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru>).

и дальнего дейксиса: *вон тут, вон здесь, вон сюда, вон отсюда; вот там, вот туда, вот оттуда.*

1. Сочетание дальнего дейксиса *вон* и статического дейксиса *тут* дает два основных значения:

1.1. «Близкая перспектива» – ‘наблюдаемый объект находится на линии взгляда наблюдателя, но не в непосредственной близости’.

Я вон тут рядом живу. В большом доме (С. Заяицкий); Вон тут! Пышкин указал на...чистенький амбар неподалеку (И. В. Евдокимов); Приволокли, связали, бросили вон тут, в угол (М. Бубеннов).

Мы видим, что расстояние от наблюдателя до объекта наблюдения существенно увеличивается при несогласовании дейксисов (*вон тут*) по сравнению с традиционным согласованием (*вот тут*). Ср.: *Они вот тут живут* (рядом, нужно пройти буквально несколько шагов) vs. *Они вон тут живут* (рядом, можно увидеть объект, но наблюдатель все же оценивает его как удаленный).

1.2. «Широкая перспектива» – ‘наблюдаемый объект находится в секторе, охватывающем пространство, которое говорящий может окинуть взглядом’.

Верст через пятнадцать совершенно пустынного пути по краю берега ямщик указал мне небольшую бухту. – Вон тут Лувеньга-река течет (Н. П. Колпакова); Вон тут сколько известных людей в зале, и все скучают. (А. Грачев); Вон тут лес сплошной кругом... (Т. Тренина); Ребята, вы с огнем поосторожнее, вон тут сколько сушняку кругом навалено... (А. Г. Малышкин).

«Дейктический оксюморон» *вон тут* явно противостоит согласованию демонстративов по ближнему дейксису. Ср.: *Вон тут сколько грибов* (‘вокруг’, указание на сектор, зону) vs. *Вот тут сколько грибов* (локация, рядом с говорящим).

Дейксис *здесь* выступает в большинстве случаев как синонимичный дейксису *тут*. По мнению Л. А. Гренобль, *здесь* и *тут* различаются тем, насколько четко определены границы пространства. Вне контекста *здесь* понимается как ‘это место,

где мы сейчас находимся, в то время как *тут* изображает менее строгое физическое пространство (Grenoble 1998, 106–7). Это позволяет трактовать демонстратив *здесь* как ответственный за изображение зоны, максимально близкой к говорящему/наблюдателю. Ср.: *Оставьте вещи вот тут* vs. *Оставьте вещи вот здесь*. Впрочем, носители русского языка часто используют эти демонстративы как эквиваленты. По-видимому, различия *здесь* и *тут* несут лишь стилистическую окраску: ср. *Я тут* (разг.) vs. *Я здесь* (нейтр.); *Я тут живу* (разг.) vs. *Я здесь живу* (нитр.); *Тут никого нет* (разг.) vs. *Здесь никого нет* (нейтр.).⁵ Тем не менее в сочетании с *вон* демонстратив *здесь* дает еще одну настраиваемую координату – близкая перспектива: наблюдаемый объект находится в видимой, четко очерченной для говорящего/наблюдателя зоне, но не в непосредственной близости. Ср.: *Где же она (нерпа) была? – Вон здесь, между кочками* (В. А. Обручев); *Все, водитель говорит, вылезай, вон здесь развернуться можно* (К. Букша).

«Широкая перспектива» чаще является прерогативой сочетания *вон тут*, реже встречается и вариант *вон здесь*: *Пролетают – вон там и вон здесь – пролетают за селами села* (Н. К. Чуковский); *Тебе самому мало? Вон здесь сколько! Навались* (С. Дубов).⁶

2. Сочетание дальнего дейксиса *вон* и ближнего динамического дейксиса *сюда* дает указание на перемещение в точку, близкую говорящему/наблюдателю, но отдаленную от собеседника, от лица, выполняющего перемещение: *Ставь чемоданы вон туда* = ‘далеко от обоих участников коммуникации’ vs. *Ставь чемоданы вон сюда* = ‘близко от говорящего, удалено от собеседника’. Ср. также примеры:

⁵ Разговорный оттенок наречия *тут* зафиксирован в Малом академическом словаре (Jevgen'jeva 1999).

⁶ В основном поиске Национального корпуса русского языка «*вон здесь*» в указанном значении встречается в 14 % случаев от общего числа употреблений, «*вон тут*» – в 30 %. (Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>. Дата обращения: 19. 12. 2022).

Узелок-то поставьте хоть вон сюда (Ф. М. Достоевский); *Войди вон сюда направо, в мою комнату* (П. А. Картыгин).

3. Сочетание дальнего дейксиса *вон* и ближнего динамического *отсюда* дает чаще всего указание на перемещение к невидимой, а потому неопределенно далекой точке или локации: *Тогда сказал царь слугам: свяжите ему руки и ноги и возьмите и бросьте его вон отсюда* (Л. Н. Толстой). С движением в неопределенном направлении от говорящего связано частотное в русском языке грубое требование: *Вон отсюда!* Ср.: *Что ты тут стоишь, старый черт? Пошел вон отсюда* (А. П. Чехов).

Сочетание наречия *отсюда* и частицы *вон* часто передает центробежное направление за пределы замкнутого пространства, поэтому точка стремления не видна ни говорящему, ни собеседнику: *Идем вон отсюда, из этого города, сейчас же!* (Б. С. Житков); *У него нашлись силы, однако, подняться... и двинутся вон отсюда, причем к запасному выходу, на улицу* (Л. М. Леонов).

4. Сочетание ближнего дейксиса *вот* и дальнего статического *там* позволяет выразить значение 'видимая, но отдаленная точка, конкретизируемая наблюдателем/говорящим': *Ребята, вот там, среди камней, ручеек. Я помою посуду* (В. Губарев); *А вот там – видишь изразец с голубками* (Е. Родченкова); *Мы это вот там нашли, в уголке* (Н. Александрова).

Перед нами очередная настраиваемая координата 'близости' / 'дальности', значение которой становится понятно при сравнении примеров:

Ср.: *Вот тут ручеек* (объект находится рядом с говорящим, в том же месте).

Вон тут ручеек (близкая перспектива, но объект размещается не в том месте, где находится говорящий).

Вот там ручеек (дальняя перспектива, конкретизация точки, локации).

Вон там ручеек (далеко от говорящего).

5. Сочетание *вот туда* в русском языке часто используется как анафора: *Там, в трех верстах есть сад есть, ну, вот туда и ездят все*

(И. А. Бунин) – ср.: *Там, в трех верстах есть сад есть, куда (в который) ездят все*. В то же время *вот туда* может служить пространственным указателем в чистом виде и отличаться от *вон туда* степенью удаленности: *Он мотнул головой. «Пойдем вот туда – в кабак»* (В. Набоков).

Сравнивая примеры *вон туда* и *вот туда*, можно заметить, что сочетание ближнего и дальнего дейксиса дает значение ‘центробежное направление, удаленность расположения объекта конкретизировано говорящим’.

Куда поставить книгу? – *Поставь книгу вон туда* (большая степень удаленности).

Куда поставить книгу? – *Поставь книгу вот туда* (меньшая степень удаленности, локация определена).

Ср. также: – *Но куда идти?* – *Да хоть вот туда, к кустам* (С. Данилюк); *И вот туда гляжу, на турецкий берег* (Ю. О. Домбровский).

6. Сочетание частицы *вот* и наречия *оттуда* создает дейксис представления со значением ‘отдаленная, но мыслимо приближаемая говорящим точка’.

Скажи мне, мой милый, откуда ты к нам пришел? – *А вот оттуда...* – *сказал мальчик, указывая на конец деревни* (Д. В. Григорович); *С нашей стороны берег и ничего бы, покаты и ровны – гладок, а вот оттуда – крутояр такой, что берега скалы да ребра придерживай* (С. В. Максимов).

Результаты рассмотренных нами восьми дополнительных координат можно представить в Таблице 2.

Дейктическое сочетание	Пространственная координата
вон тут-1	близкая перспектива: наблюдаемый объект находится на линии взгляда наблюдателя, но не в непосредственной близости
вон тут-2	широкая перспектива: наблюдаемый объект находится в секторе, охватывающем пространство, которое говорящий может окинуть взглядом

ВОН ЗДЕСЬ	близкая перспектива: наблюдаемый объект находится в видимой, четко очерченной для говорящего/наблюдателя зоне, но не в непосредственной близости
ВОТ ТАМ	видимая, но отдаленная точка, конкретизируемая наблюдателем/говорящим
ВОН СЮДА	центростремительное направление, перемещение в точку, близкую говорящему/наблюдателю, но отдаленную от собеседника, от лица, выполняющего перемещение
ВОН ОТСЮДА	центробежное направление за пределы замкнутого пространства, указание на перемещение к невидимой, а потому неопределенно далекой точке/зоне
ВОТ ТУДА	центробежное направление, удаленность расположения объекта конкретизирована говорящим
ВОТ ОТТУДА	отдаленная, но мыслимо приближаемая говорящим точка

Мы видим, что спектр пространственных координат весьма широк и поверхностное выражение этих значений достигается при помощи комбинации имеющихся в русском языке демонстративов, что позволяет установить правила продукции ряда переходных пространственных значений при помощи ограниченного числа дейктических местоимений, наречий и частиц. Нами были выявлены промежуточные координаты, которые располагаются между основными координатами 'близко'/'далеко' и имеют дополнительные параметры: четкое/нечеткое указание; точка/сектор/зона/широкая перспектива; видимая/невидимая локация, положение по отношению к говорящему/слушающему; центробежное/центростремительное перемещение.

Литература:

Apresjan, Jurij Derenikovič. 1986. „Dejksis v leksike i grammatike i naivnaja model' mira.“ In *Seminotika i informatika: sbornik*

- naučnych statej*, ed. Aleksandr Ivanovič Michajlov, 5–33. Moskva: VINITI.
- Artemova, Ol'ga Aleksandrovna. 2019. *Tipologija dejksisa v semantika-pragmatičeskom aspekte (na materiale belorusskogo i anglijskogo jazykov)*. Minsk: MGLU.
- Arutjunova, Nina Davidovna. 1982. „Lingvističeskije problemy referencii.“ In *Novoje v zarubežnoj lingvistike. Vyp. XIII: Logika i lingvistika (problemy referencii)*, ed. Nina Davidovna Arutjunova, 5–40. Moskva: Raduga.
- Arutjunova, Nina Davidovna. 1985. „Istoki, problemy i kategorii pragmatiki.“ In *Novoje v zarubežnoj lingvistike. Vyp. XVI: Lingvističeskaja pragmatika*, ed. Nina Davidovna Arutjunova, Jelena Viktorovna Padučeva, 3–42. Moskva: Progress.
- Næss, Åshild, Margetts, Anna, a Yvonne Treis, eds. 2020. *Demonstratives in discourse (Topics at the Grammar-Discourse Interface)*. Berlin: Language Science Press.
- Bjuler, Karl. 1993. *Teorija jazyka: Reprezentativnaja funkcija jazyka*. Moskva: Progress.
- Borkovskij, Viktor Ivanovič, a Petr Savvič Kuznecov. 2004. *Istoričeskaja grammatika russkogo jazyka*. Moskva: Ėditorial URSS.
- Bondarko, Aleksandr Vladimirovič. 2005. *Teorija morfoložičeskich kategorij i aspektoložičeskije issledovanija*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
- Brugmann, Karl. 1904. *Die Demonstrativpronomina der indogermanischen*. Leipzig
- Fillmore, Charles J. 1966. „Deictic categories in the semantics of come.“ *Foundations of Language* 2, č. 3: 219–27.
- Fillmore, Charles J. 1997. *Lectures on deixis*. Standford: Center for the Study of Language and Information.
- Gordijevskaja, Marija L'vovna. 2022. „K voprosu o rassširennyh variantach sistemy bližnego i dal'nego dejksisa v russkom jazyke.“ In *Aktual'nyje voprosy filologii i lingvodidaktiki. Monografija pamjati professora F. A. Litvina*, 42–6. Orel: OGU imeni I. S. Turgeneva, «Kartuš».
- Grenoble, Lenore, A. 1998. *Deixis and Information Packaging in Russian Discourse*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publ. Co.

- Gurevič, Valerij Vladimirovič. 2003. *Teoretičeskaja grammatika anglijskogo jazyka. Sravnitel'naja tipologija anglijskogo i ruskogo jazykov: Učebnoje posobije*. Moskva: Flinta, Nauka.
- Išačenko, Aleksandr Vasil'jevič. 1965. „O sintaksičeskoj prirode mestoimenij.“ In *Problemy sovremennoj filologii. Sb. st. k semidesjatiletiju ak. V. V. Vinogradova AN SSSR ot d. literatury i jazykov*, 159–66. Moskva: Nauka.
- Jakobson, Roman Osipovič. 1975. „Šiftery, glagol'nyje kategorii i russkij glagol.“ In *Principy tipologičeskogo analiza jazykov različnogo stroja*, ed. B. A. Uspenskij, 95–113. Moskva: Nauka.
- Jakobson, Roman Osipovič. 1996. *Jazyk i bessoznatel'noje*. Moskva: Gnozis.
- Jevgen'jeva, Anastasia Petrovna, ed. 1999. *Slovar' ruskogo jazyka: V 4-ch t.* Moskva: Russkij jazyk, Poligrafresursy.
- Jokojama, Ol'ga Borisovna. 2005. *Kognitivnaja model' diskursa i russkij porjadok slov*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
- Kasevič, Vadim Borisovič. 1998. „Ontolingvistika, tipologija i jazykovyje pravila.“ In *Jazyk i rečevaja dejatel'nost'. T. 1*, 31–40. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- Kibrik, Andrej Aleksandrovič. 1983. „Ob anafore, dejksise i ich sootnošenii.“ In *Razrabotka i primenenije lingvističeskich processov*, ed. Aleksandr Semenovič Narin'jani, 107–29. Novosibirsk: VC SO AN SSSR.
- Kibrik, Andrej Aleksandrovič. 1992. *Čelovečeskij faktor v jazyke: Kommunikacija, modal'nost', dejksis*. Moskva: Nauka.
- Kobozeva, Irina Michajlovna. 2000. *Lingvističeskaja semantika*. Moskva: MGU im. M. V. Lomonosova, Ėditorial URSS.
- Krylov, Sergej Aleksandrovič. 1984. „K tipologii dejktičeskich sistem.“ In *Lingvističeskije issledovanija: tipologija, dialektologija, ètimologija, komparativistika*, ed. Vera Isaakovna Podlesskaja, 138–18. Moskva: Nauka.
- Lyons, John. 1995. *Introduction to Theoretical Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Matvejeva, Anna Anatol'jevna. 2007. „Dejksis kak marker kategorij «svoj-čužov».“ *Vestnik Čeljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, č. 13: 47–52.

- Mel'čuk, Igor' Aleksandrovič. 1998. *Kurs obščej morfologii*. Moskva, Vena: «Jazyki ruskoj kul'tury», Venskij slavističeskij al'manach.
- Padučeva, Jelena Viktorovna. 1985. *Vyskazyvanije i jego soonesennost' s dejstvitel'nost'ju*. Moskva: LKI.
- Plungjan, Vladimir Aleksandrovič. 2000. *Obščaja morfologija: Vvedenije v problematiku*. Moskva: URSS.
- Rachilina, Jekaterina Vladimirovna, ed. 2010. *Lingvistika konstrukcij*. Moskva: Azbukovnik.
- Šmelev, Aleksej Dmitrijevič. 2002. *Russkij jazyk i vnejazыkovaja dejstvitel'nost'*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
- Uorf, Bendžamin Li. 1972. „Grammatičeskije kategorii.” In *Principy tipologičeskogo analiza jazykov različnogo stroja*, 44–60. Moskva: Nauka.

Источники:

Национальный корпус русского языка. 2003–2022. Электронный ресурс. ruscorpora.ru

Гордиевская Мария Львовна, к.ф.н., доцент
Кафедра сопоставительного изучения языков
Факультет иностранных языков и регионоведения
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Ленинские горы 1, стр. 13–14 (IV гуманитарный корпус)
119991 Москва
Россия
margord@mail.ru